

Научная статья

УДК 343.3

EDN CPUSND

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1301-1310

В.А. Новиков, А.В. Сигарев✉

*Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Новосибирск,
Российская Федерация*Автор, ответственный за переписку: А.В. Сигарев, sigarev-av@ranepa.ru

КОРРУПЦИЯ, ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ГРАНИ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

АННОТАЦИЯ. Ситуация в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в настоящее время и обозримой перспективе характеризуется усилением и активизацией многих проблем. С началом проведения специальной военной операции на Украине обострились как внутренние, так и внешние угрозы, связанные с деятельностью недружественных государств. В настоящей статье рассматривается взаимосвязь и взаимозависимость двух наиболее значимых угроз: экстремизма и терроризма с одной стороны и коррупции — с другой.

Цель данного исследования, таким образом, состоит не просто в доказательстве взаимосвязи терроризма и коррупции, а в выявлении конкретных механизмов их взаимообусловленности применительно к современным условиям. Зная эти механизмы, мы получаем возможность противодействовать им. В качестве эмпирической базы мы опираемся на опыт противодействия экстремизму, терроризму и коррупции, накопленный правоохранительными органами России с середины 90-х годов прошлого века. В работе были использованы методы системного, исторического, формально-логического анализа. Научной новизной представленного исследования является попытка спроецировать выявленные проблемы и закономерности в будущее для выработки приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России в новых условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Национальная безопасность, экстремизм, терроризм, коррупция.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 03 апреля 2023 г.; дата принятия к печати 05 июля 2023 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2023 г.

Original article

V.A. Novikov, A.V. Sigarev✉

*Siberian Institute of Management — a Branch of the RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation*Corresponding author: A.V. Sigarev, sigarev-av@ranepa.ru

CORRUPTION, EXTREMISM AND TERRORISM: FACETS OF INTERCONNECTION AND INTERDEPENDENCE IN MODERN SOCIETY

ABSTRACT. The situation in the field of ensuring the national security of the Russian Federation at present and in the foreseeable future is characterized by the intensification and activation of many problems. With the beginning of the special military operation in Ukraine, both internal and external threats related to the activities of unfriendly states have intensified. The article examines the relationship and interdependence of the two most significant threats: extremism and terrorism on the one hand and corruption on the other one.

The purpose of the study is thus not simply to prove the relationship between terrorism and corruption, but to identify specific mechanisms for their interrelationship in contemporary circumstances. Knowing these mechanisms, we are able to counter them. As an empirical basis, we rely on the experience gained by Russian law enforcement agencies since the mid-1990s in countering extremism, terrorism

© Новикова В.А., Сигарев А.В., 2023

and corruption. The methods of system, historical, formal-logical analysis are used. The scientific novelty of the presented study is an attempt to project the identified problems and patterns into the future to develop priority directions of ensuring the national security of Russia in new conditions.

KEYWORDS. National security, extremism, terrorism, corruption.

ARTICLE INFO. Received April 03, 2023; accepted July 05, 2023; available online August 31, 2023.

На первый взгляд, терроризм и коррупция — это социально-правовые явления, лежащие в совершенно разных плоскостях. Преступления террористической и коррупционной направленности имеют принципиально разные мотивы, совершаются разными субъектами. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении между этими явлениями обнаруживаются скрытые взаимосвязи, взаимная обусловленность. Вопросы взаимосвязи экстремизма, терроризма и коррупции находят свое отражение в научных публикациях последних лет [1; 2]. Поднимаются эти вопросы и на многочисленных конференциях, семинарах, круглых столах, посвященных поиску путей противодействия этим угрозам.

Коррупция, экстремизм и терроризм занимают центральное место в научных исследованиях как в рамках юриспруденции, так и смежных наук. Изучению различных аспектов этих социально-правовых явлений за последнее десятилетие было посвящено большое количество научных публикаций. Так, исследованию вопросов противодействия коррупции посвящены работы В.И. Михайлова, В.В. Окутиной, М.В. Преснякова, А.А. Уварова и др. Противодействию терроризму и экстремизму посвящены труды Н.Б. Бааль, В.С. Кряжева, Н.Г. Канунниковой, Г.И. Пещерова, Д.К. Нечевина и других авторов. Однако научное исследование взаимной связи указанных явлений находится, по нашему мнению, еще на начальной стадии. Работ по данной тематике не так много (Д.Ю. Камышанский, А.В. Павлинов, Ш.Б. Магомедов, А.М. Абдулатипов), большая часть из них приведена в библиографическом списке настоящей статьи. На сегодняшний день в научных публикациях вскрыты лишь наиболее очевидные, лежащие на поверхности аспекты указанной взаимосвязи. Кроме того, работы написанные до 2022 г., не отражают всего многообразия современных проблем в сфере обеспечения национальной безопасности.

Ш.Б. Магомедов и А.М. Абдулатипов справедливо отмечают, что «в период всплеска коррупционных проявлений наблюдается высокий темп роста наиболее опасных организованных форм преступлений террористической направленности и наоборот» [3; с. 143]. Однако можно утверждать, что в исследовании взаимосвязи этих явлений мы находимся лишь в начале пути.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом¹ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 понятие «экстремизм» употреблено 15 раз, «терроризм» — 14 раз, «коррупция» — 6 раз. Но взаимосвязь экстремистско-террористических проявлений и коррупции в указанном документе, к сожалению, не нашла отражения.

Более того, проблема взаимосвязи терроризма, экстремизма и коррупции практически не затронута в таких важнейших документах, как Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации², Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг.³,

¹ Собрание законодательства РФ. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

² Утверждена Президентом РФ 05 окт. 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Утвержден Президентом РФ 28 дек. 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.⁴, Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг.⁵

Официальное определение экстремизма содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁶ и включает в себя тринадцать пунктов. Основными проявлениями экстремизма, в соответствии с указанным определением, выступают «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии».

Законодательное определение терроризма закреплено в ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁷. Под терроризмом законодатель понимает «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Как видно из сопоставления двух представленных выше определений, экстремизм и терроризм — довольно близкие по сути явления. Экстремизм включает в себя среди прочего пропаганду терроризма как средства достижения определенных социальных целей. Экстремизм представляет собой идеологическое обоснование терроризма. Образно говоря, экстремизм — это «теория», а терроризм — это «практика» реализация одних и тех же идей (религиозный фундаментализм, национализм, политический радикализм и т.п.). В этом смысле можно говорить о единой экстремистско-террористической угрозе.

Коррупция определяется в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸ как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Перейдем непосредственно к анализу механизмов взаимной связи и взаимной обусловленности экстремизма, терроризма и коррупции. Здесь можно выделить несколько аспектов.

Аспект 1. Коррупция создает «питательную среду» для экстремизма и терроризма

Как известно, коррупционные преступления чаще всего выражаются в том, что финансовые и материальные ресурсы государства используются в частных интересах. Значительные средства, выделяемые государством на развитие образования, здравоохранения, культуры, на социальную политику, из-за коррупционных схем не доходят до получателей. С одной стороны, обществу сообщают о выделении значительных финансовых ресурсов, о планах по развитию социальной сферы, а с другой стороны, граждане видят годами не решаемые проблемы и равнодушие чиновников.

⁴ Утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 № 344 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Утвержден Указом Президента РФ от 16 авг. 2021 № 478 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

В результате у граждан возникает ощущение обмана, несправедливости, отсутствия перспектив повышения качества жизни. Особенно остро социальную несправедливость воспринимает молодежь.

Молодые люди, только начинающие самостоятельную жизнь, приходят к пониманию того, что занять достойное место в обществе можно лишь благодаря «связям», «блату» и т.п. Это образом порождает разочарование, протест. А далее эти молодые люди уже готовы к восприятию экстремистских идей о радикальном насильственном переустройстве мира. Как пишет Н.Б. Бааль, «90 % активистов экстремистских организаций являются молодыми людьми в возрасте до 30 лет, т.е. 80 % от всех совершавших преступления экстремистской направленности, более половины из них несовершеннолетние. Экстремистской идеологии главным образом подвержены неучащиеся и неработающие слои несовершеннолетних и молодежи от 14 до 20 лет» [4, с. 43].

При всей значимости проводимой среди молодежи воспитательной работы (правовое просвещение, патриотическое воспитание, волонтерство и т.п.), более выраженное воспитательное воздействие на человека всегда оказывает социальная среда, в которой он живет.

В этой связи можно согласиться с мнением Г.И. Пещерова о том, что «экстремизм и терроризм — это реакция отдельной части общества или конкретной личности на несовершенство законодательных основ государства, на действия чиновников, на несправедливость, которые заделали самолюбие, честь и законные права части общества или гражданина, которые в большинстве своем были законопослушными гражданами страны» [5, с. 7].

Разумеется, нельзя все причины социальных проблем и социальной несправедливости сводить только к коррупции. Но можно утверждать, что ни одна другая причина социального неблагополучия не воспринимается в обществе так остро и болезненно, как коррупция.

Аспект 2. Коррупция в государственном аппарате создает непосредственные предпосылки и условия для осуществления экстремистско-террористической деятельности

Одной из угроз национальной безопасности государства является тенденция сращивания коррумпированных элементов в органах власти, местного самоуправления с экстремизмом и терроризмом.

Подкуп должностных лиц государственных и муниципальных органов позволяет экстремистско-террористическим группировкам: получить доступ к информации о предпринимаемых мерах безопасности, технических средствах обеспечения безопасности и режиме охраны тех или иных объектов; осуществлять снабжение своих сторонников оружием, взрывчатыми веществами, оборудовать места их хранения; получать предупреждение о проводимых оперативно-розыскных и контртеррористических мероприятиях.

Помимо указанных выше тактических проблем, «массовые коррупционные преступления должностных лиц органов федеральной власти приводят к снижению общего уровня боеготовности государства, что отражается на обеспечении безопасности страны в целом. Вредоносность коррупции в данной сфере подрывает обороноспособность и устойчивость мира» [6, с. 20].

Наиболее ярко сращивание террористических структур с правоохранительными органами проявлялось в 90-е годы прошлого века в регионах Северного Кавказа. Анализ этого негативного опыта позволяет понять скрытые механизмы этих процессов. Мотивы сотрудничества должностных лиц правоохранительной системы с экстремистско-террористическими группами не сводятся лишь в банальной жажде

обогащения. Психология коррупционного поведения более сложна. Глубинными мотивами коррупционного сотрудничества могут выступать: обида на государство и свое руководство из-за нереализованных карьерных ожиданий, несправедливых взысканий, низкого уровня жизни; скрытая симпатия к идеологии экстремизма; страх за себя и своих близких в случае отказа от сотрудничества [7].

Аспект 3. Коррупция затрудняет расследование преступлений террористической и экстремистской направленности

В оперативно-розыскной и следственной практике встречались попытки подкупа сотрудников правоохранительных органов с целью затруднить расследование уже совершенных преступлений экстремистской и террористической направленности. За соответствующее вознаграждение сотрудникам предлагалось скрыть следы преступлений, «не заметить» значимые для следствия доказательства, искусственно затян timer следственные действия, отдать приоритет заведомо ложным версиям. Иными словами, коррупция создает возможность и дает возможность виновным лицам избежать заслуженного наказания.

Аспект 4. Террористическая деятельность может использоваться как способ сокрытия преступлений коррупционной направленности

Как показала практика 90-х — начала 2000 гг., массовые проявления терроризма создают идеальные условия для бесконтрольного и безнаказанного личного обогащения местных элит. Огромные финансовые и материальные ресурсы, выделяемые на восстановление и развитие регионов Северного Кавказа, расхищались.

В ходе первой и второй «чеченских войн» (1994–2001 гг.) неоднократно возникали ситуации, когда результаты коррупционной деятельности на разных уровнях власти «списывались» на акты терроризма. Более того, эти акты специально могли быть спланированы и организованы для того, чтобы скрыть факты хищения, например, денежных средств, автотранспорта, строительных материалов, оружия и военной техники.

Аспект 5. Факты коррупции используются для пропаганды экстремистской идеологии

Сторонники экстремистско-террористических группировок, на деле пользуясь услугами коррумпированных должностных лиц, на словах декларируют полное неприятие коррупции. Более того, факты коррупции (как реальные так и преувеличенные или просто вымышленные) умело используются в целях пропаганды экстремистской идеологии. Коррупция преподносится как признак моральной несостоятельности государства, продажности, нечестности и несправедливости «прогнившей» социальной системы.

Сторонники экстремистских идей позиционируют себя в качестве сторонников высоких моральных принципов, «борцов за идею», которым чужды низменные корыстные мотивы.

Практически любая экстремистская идеология (национализм, неофашизм, политический радикализм, а в особенности религиозный фундаментализм,) обещает быстрое преодоления коррупции, построение справедливого общества. Одним из самых ярких примеров использования темы коррупции в пропагандистских целях является деятельность международной террористической организации «Исламское государство»⁹.

⁹ Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. организация ИГИЛ признана террористической.

«Факты коррупции в государственных институтах придают убедительность аргументам исламских радикалов, которые намеренно негативно отзываются о существующих общественных порядках, а также обещают справедливость при наступлении Халифата» [1, с. 20].

Привлекательность экстремистской идеологии как раз и объясняется психологическим эффектом контраста: мрачной реальности современного коррумпированного государства противопоставляется некая идеальная социальная система будущего [8].

Аспект 6. Антикоррупционная деятельность как орудие политического экстремизма

Данный аспект выступает продолжением предыдущего. Существующие в современном государстве проявления коррупции не только используются экстремистской пропагандой, но могут служить тем «рычагом», посредством которого радикальные группировки расшатывают политическую систему.

Обратимся к практике «цветных революций» в мире. «Революция роз» (Грузия, 2003 г.), «Оранжевая революция» (Украина, 2004 г.), «Тюльпановая революция» (Киргизия, 2005 г.), «Жасминовая революция» (Тунис, 2010 г.), «Революция лотоса» (Египет, 2011 г.), «Революция достоинства» (Украина, 2014 г.) — все перечисленные государственные перевороты и сопровождавшие их массовые беспорядки совершались под лозунгами борьбы с коррупцией, необходимости свержения коррумпированного режима [9].

Каждый факт коррупции в государственном аппарате используется политическими радикалами в свою пользу [10]. Эксплуатация темы коррупции — это практически беспроблемный ход в деятельности политических экстремистов по следующим причинам:

- факты коррупции действительно имеют место в государстве, а значит придают экстремистской пропаганде «правдивый» и аргументированный характер;
- коррупция вызывает выраженную негативно-эмоциональную реакцию во всех слоях общества, поэтому антикоррупционная тема всегда получает широкий эмоциональный отклик;
- политический деятель, призывающий к борьбе с коррупцией, сам позиционируется в общественном сознании как честный, неподкупный и морально чистый;
- попытки государства противодействовать политическому экстремизму, прикрываемому антикоррупционной темой, преподносятся как преследование честного политика со стороны коррупционеров, еще более укрепляя позицию радикалов.

Одним из самых ярких примеров такой деятельности является практика антикоррупционных расследований «Фонда борьбы с коррупцией»¹⁰. За время своей деятельности указанная организация осуществляла многочисленные «расследования», по результатам которых распространяла публичные обвинения в коррупции в отношении высшего руководства страны. Лидер данной структуры А. Навальный в своих выступлениях и публикациях открыто призывал к массовым беспорядкам и свержению государственной власти в России.

Аспект 7. Уверенность в коррумпированности правоохранительных органов толкает граждан на экстремистские действия

Существует еще один аспект взаимосвязи экстремизма и коррупции, на который редко обращают внимание. Рассмотрим некоторые примеры.

¹⁰ Решением Московского городского суда от 09 июня 2021 Фонд борьбы с коррупцией был признан экстремистской организацией.

– 11 декабря 2010 г. в Москве на Манежной площади собралось до 20 тыс. фанатов болельщиков, недовольных ходом расследования убийства фаната «Спартак» Егора Свиридова, погибшего в драке с кавказцами. В результате пострадали 35 чел., 65 чел. задержаны. В следующие дни беспорядки вылились в отдельные столкновения в разных районах Москвы;

– 7 июля 2013 г. в убийство местного жителя в городе Пугачеве (Саратовская область) вылилось в протестные выступления, собравшие несколько тысяч человек;

– 13 октября 2013 г. народный сход жителей столичного Бирюлево, спровоцированный убийством москвича Егора Щербакова, перерос в беспорядки и погромы в отношении нелегальных мигрантов. 23 чел. были ранены, 380 задержаны;

– 13 июня 2019 г. произошла массовая драка местных жителей и представителей цыганской диаспоры в поселке Чемодановке Пензенской области.

Перечисленные выше происшествия — это лишь небольшой список проявлений так называемого «ситуационного экстремизма». Сценарий развития событий во всех случаях единый: происходит конфликт на национальной почве, который приобретает массовый характер в определенной местности. Мотивом участия законопослушных граждан в этом конфликте становится недоверие к правоохранительным органам. Будучи убежденными в коррумпированности этих органов, граждане не ждут от них помощи, а пытаются устроить самосуд, предпринять стихийные меры защиты.

Причем речь здесь идет даже не о реальных фактах коррупции, а о предубежденности граждан в коррумпированности властей, в том, что представители национальных диаспор «заплатят кому надо» и преступник уйдет от наказания.

Аспект 8. Коррупция и терроризм существуют благодаря теневым финансовым потокам

Механизм «грязных денег» обслуживает взаимодействие терроризма и коррупции по всем направлениям. С одной стороны, часть финансовых потоков, идущих на финансирование терроризма, расходуется на подкуп должностных лиц. С другой стороны, доходы от коррупции тратятся на финансирование экстремизма и терроризма.

Можно утверждать, что наличие неконтролируемых финансовых потоков делает возможным само существование и коррупции, и терроризма. Соответственно, перекрытие этих потоков выступает весьма эффективным средством пресечения этих опасных явлений.

Важную роль в выявлении и пресечении теневых финансовых потоков играет Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Перед этим ведомством стоит задача обнаружения все новых и новых способов финансирования преступной деятельности [11].

Выводы

Рассмотренные выше проявления взаимосвязи коррупции с экстремизмом и терроризмом, требуют переосмысления самой сущности коррупции. Обычно это явление рассматривается как столкновение частных и публичных интересов. Но как было показано выше, коррупция — это не просто реализация должностным лицом своих частных интересов. Если должностное лицо подкуплено экстремистско-террористической группировкой и стоящим за ней иностранным государством, *то это уже не частный, а иной, враждебный публичный интерес.*

С учетом сложившейся в 2022–2023 гг. внешнеполитической ситуации агенты недружественных России государств будут искать «слабое звено» среди государственных служащих. В первую очередь, в зону риска попадают сотрудники, на-

ходящиеся в тяжелой материальной ситуации, остро нуждающиеся в денежных средствах (в связи закрединанностью, большими расходами на лечение, образование членов семьи и т.п.). Также в зоне риска коррупционных проявлений находятся сотрудники, имеющие основания для чувства обиды, несправедливости в служебных отношениях. В этой связи большое значение приобретает мониторинг материального положения и морально-психологической атмосферы в коллективах государственных органов.

В связи с наложенными на Россию экономическими санкциями, управление в сфере промышленности, сельского хозяйства, государственных закупок, организации научных исследований по многим параметрам выходит за рамки нормального функционирования, осуществляется в «ручном режиме». Это означает *резкое возрастание так называемой административной дискреции* — возможности должностных лиц принимать оперативные решения по своему усмотрению, в силу своего понимания управленческой целесообразности, что тоже создает коррупционные риски.

Необходимо найти подходы к еще одной важной проблеме — *освещению в средствах массовой информации выявленных фактов коррупции*. Как отмечалось выше, информация о коррупции используется экстремистской пропагандой в своих целях, как свидетельство морального разложения и недееспособности государства. Но и скрывать такую информацию недопустимо. В сообщениях о фактах коррупции должны быть правильно и профессионально грамотно расставлены акценты.

Правильная расстановка акцентов требуется и в отношении разного рода общественных антикоррупционных расследований. Граждане, средства массовой информации, общественные объединения безусловно являются субъектами противодействия коррупции. Но результаты таких антикоррупционных расследований для не должны превращаться в дискредитацию государственных органов и их руководителей.

Необходимо также признать необходимость формирования и применения более разнообразных форм противодействия коррупции (помимо традиционных предложений «ужесточить наказание», «усилить контроль» и т.п.). Например, Н.С. Бондарь указывает на то, что «многие годы в научной литературе ведется дискуссия о возможности и целесообразности принятия специальных законов о лоббизме, о политической оппозиции; они могли бы существенно укрепить законодательную основу антикоррупционной деятельности» [12, с. 55].

Список использованной литературы

1. Камышанский Д.Ю. Коррупция как один из основных факторов терроризма / Д.Ю. Камышанский. — EDN [LMAZEY](#) // Образование и право. — 2019. — № 3. — С. 25–28.
2. Павлинов А.В. Криминологический мониторинг взаимосвязи коррупции с современным экстремизмом и терроризмом / А.В. Павлинов. — EDN [XNSIDR](#) // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 4. — С. 23–25.
3. Магомедов Ш.Б. К вопросу о взаимосвязи терроризма и коррупции / Ш.Б. Магомедов, А.М. Абдулатипов. — DOI 10.21779/2224-0241-2019-32-4-141-147. — EDN [QCVACZ](#) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2019. — № 4. — С. 141–147.
4. Бааль Н.Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства / Н.Б. Бааль. — DOI 10.18572/1812-3783-2020-12-43-47. — EDN [CCQBSN](#) // Российский следователь. — 2020. — № 12. — С. 43–47.
5. Пещеров Г.И. Проблема классификации теоретических основ экстремизма в условиях глобализации / Г.И. Пещеров. — DOI 10.18572/2071-1166-2022-5-5-7. — EDN [BIDPHX](#) // Административное право и процесс. — 2022. — № 5. — С. 5–7.

6. Окутина Н.Н. Коррупция как угроза безопасности современного общества и государства / Н.Н. Окутина. — DOI 10.18572/1813-1247-2022-10-20-23. — EDN [QHZHRA](#) // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 10. — С. 20–23.

7. Клещенко Ю.Г. Криминалистическая характеристика специальных коррупционных преступлений против интересов службы в органах государственной власти и местного самоуправления / Ю.Г. Клещенко. — DOI 10.18572/2072-4152-2021-7-21-26. — EDN [ORVADR](#) // Мировой судья. — 2021. — № 7. — С. 21–25.

8. Меретуков Г.М. Механизм экстремизма и терроризма / Г.М. Меретуков. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-10-40-43. — EDN [NURRAC](#) // Российский следователь. — 2022. — № 10. — С. 40–43.

9. Попова Н.Ф. Новые приоритеты обеспечения национальной безопасности РФ / Н.Ф. Попова. — DOI 10.18572/2071-1166-2022-5-16-18. — EDN [OYTQXX](#) // Административное право и процесс. — 2022. — № 5. — С. 16–18.

10. Миц Д.С. Комплексная антикоррупционная функция государства и права / Д.С. Миц. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.122.1.031-040. — EDN [QOCKGC](#) // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 1. — С. 31–40.

11. Мельков С.А. Террористическая угроза и «теневая экономика»: есть ли взаимосвязь? / С.А. Мельков, А.Н. Перенджиев. — EDN [WXFHNT](#) // Власть. — 2016. — № 10. — С. 178–185.

12. Бондарь Н.С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности / Н.С. Бондарь. — DOI 10.12737/jrl.2022.039. — EDN [JTGNN](#) // Журнал российского права. — 2022. — № 4. — С. 36–55.

References

1. Kamyshanskii D.Yu. Corruption as One of the Major Factor in Terrorism. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2019, no. 3, pp. 25–28. (In Russian). EDN: [LMAZEV](#).

2. Pavlinov A.V. Criminological Monitoring the Relationship of Corruption With Modern Extremism and Terrorism. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 4, pp. 23–25. (In Russian). EDN: [XNSIDR](#).

3. Magomedov Sh.B., Abdulatipov A.M. On the Relationship between Terrorism and Corruption. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, 2019, no. 4, pp. 141–147. (In Russian). EDN: [QCVACZ](#). DOI: 10.21779/2224-0241-2019-32-4-141-147.

4. Baal N.B. Extremism as a Threat to the National Security of a State. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 12, pp. 43–47. (In Russian). EDN: [CCQBSN](#). DOI: 10.18572/1812-3783-2020-12-43-47.

5. Peshcherov G.I. The Problem of Classification of Theoretical Fundamentals of Extremism in the Conditions of Globalization. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2022, no. 5, pp. 5–7. (In Russian). EDN: [BIDPHX](#). DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-5-7.

6. Okutina N.N. Corruption as a Threat to Security of the Modern Society and State. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2022, no. 10, pp. 20–23. (In Russian). EDN: [QHZHRA](#). DOI: 10.18572/1813-1247-2022-10-20-23.

7. Kleshchenko Yu.G. Forensic Characteristics of Special Corruption Crimes Against the Interests of Service in Public Authorities and Local Self-Government. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2021, no. 7, pp. 21–25. (In Russian). EDN: [ORVADR](#). DOI: 10.18572/2072-4152-2021-7-21-26.

8. Meretukov G.M. The Mechanism of Extremism and Terrorism. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 10, pp. 40–43. (In Russian). EDN: [NURRAC](#). DOI: 10.18572/1812-3783-2022-10-40-43.

9. Popova N.F. New Priorities in the Protection of the National Security of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2022, no. 5, pp. 16–18. (In Russian). EDN: [OYTQXX](#). DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-16-18.

10. Mits D.S. A Complex Anti-Terrorist Function of the State and Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2021, no. 1, pp. 31–40. (In Russian). EDN: [QOCKGC](#). DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.031-040.

11. Melkov S.A., Perendzhiev A.N. Terrorist Threats and the “Shadow Economy”: is There a Relationship? *Vlast' = Power*, 2016, no. 10, pp. 178–185. (In Russian). EDN: [WXFHNT](#).

12. Bondar' N.S. The Constitution Against Corruption: on the Formation of a National Constitutional and Legal Model of Anti-Corruption Activities. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2022, no. 4, pp. 36–55. (In Russian). EDN: [JTGNN](#). DOI: 10.12737/jrl.2022.039.

Информация об авторах

Новиков Валерий Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация, novikov-va@ranepa.ru, SPIN-код: 8341-9584.

Сигарев Андрей Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация, sigarev-av@ranepa.ru, SPIN-код: 1647-5577.

Authors

Valeriy A. Novikov — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management — a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, novikov-va@ranepa.ru, SPIN-Code: 8341-9584.

Andrey V. Sigarev — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management — a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, sigarev-av@ranepa.ru, SPIN-Code: 1647-5577.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Новиков В.А. Коррупция, экстремизм и терроризм: грани взаимосвязи и взаимозависимости в современном обществе / В.А. Новиков, А.В. Сигарев. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1301-1310. — EDN [CPUSND](#) // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 1301–1310.

For Citation

Novikov V.A., Sigarev A.V. Corruption, Extremism and Terrorism: Facets of Interconnection and Interdependence in Modern Society. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 1301–1310. (In Russian). EDN: [CPUSND](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1301-1310.